

Дайте слово маме Додина!

Лондонские гастроли
санкт-петербургского Малого
драматического театра.

ВЛАДИМИР СИМОНОВ

Лев Додин показал в Лондоне свой спектакль «Платонов, или Пьеса без названия». Пожалуй, «показал» — неудачно сказано. Додин окупил англичан в бассейн, устроенный прямо на сцене театрально-концертного зала «Барбикан», который изображал летнюю купальню в поместье генеральши Анны Петровны. А по сути, погружил зрителей с головой в стихию Чехова. Зыбкая вода превратила все сюжетные линии пьесы, написанной в 1881 году, все интриги и интрижки в картину зыбкой и тревожной России конца прошлого века. Сегодня опять конец, но уже другого века. А Россия все та же. Точен был Чехов. И столь же точен Додин, услышавший в «Платонове» эхо наших дней. «Барбикан» бушевал овацией. А «Ивнинг стандарт» поклонилась режиссеру рецензией с комплиментами насчет «глубины, внимания к деталям и энергии» его «Платонова». А мне понравилось, сказал один знакомый англичанин: «После этого спектакля я понимаю, почему в России произошла революция. И понимаю, почему развалился СССР. И даже почему грохнул кризис 17 августа...» Все это он увидел на дне додинской дачной купальни.

Конечно, «Платонов» выбил из зала и другие искры. Другой мой знакомый, серьезный, думающий человек, ушел в антракте: «Это не Чехов, это цирк». Третьи вообще не приняли спектакль, а все переживали: не сорвутся ли актеры в воду? Но это все придирки. «Пьеса без названия» выше развинчивания театрального чуда на шайбы и гайки.

«Зайдем-ка сюда, в артистическую», — сказал мне Додин, когда я напросился в «Барбикан» на интервью. — Здесь нам не помешают». На сцене шел второй акт «Платонова». А в артистической жены Додина Татьяны Шеста-

ковой, по пьесе — вальяжной генеральши-искусительницы Анны Петровны, лежал букет цветов — дань первому акту. У Додина, как говорят англичане, «историческое» лицо. Со своей седоющей бородкой и мягко-проницательными, когда без очков, глазами он был бы хорош в каком-нибудь телесериале про герцогов и викингов.

— Лев Абрамович, за что женщины так любят бедолагу Платонова? И за что вы его полюбили?

Додин начинает говорить, и я скоро понимаю, что это не «быстрое» газетное интервью. Философская позиция режиссера как бы немножко вынесена в космос, в вечность, откуда он крупными мазками пишет пейзаж нашей суетной жизни.

За что любить Платонова? Когда пытаешься рационально объяснить что-то в искусстве, замечает Додин, то задеваешь лишь малую его часть, и получается неточно. Когда Толстого спросили, для чего он написал роман «Воскресение», он ответил: «Для этого мне снова надо написать роман «Воскресение». Платонов, по Додину, не просто человек. Это переплетение проблем, которые к режиссеру имеют давнее отношение. Он прочитал «Платонова», когда в советском театре была популярна вампировская «Утиная охота». Прочитал и поразился: да у Чехова это еще сто лет назад сказано!

Платонов говорит много печально о жизни, признает Додин. Но сама жизнь печальна, потому что кончат-

ся тем, чем кончается, и человека что-то влечет к этому концу. Когда Чехов писал «Платонова», он еще не знал, что болен, не знал, что будет врачом, но уже чувствовал трагическую конечность жизни. Для Додина, похоже, это самое важное в «Пьесе без названия».

— Это не пьеса о любви, — говорит режиссер. — Это не пьеса о человеке, который меняет женщин и они продолжают его любить. Таких пьес много. «Платонов» для меня — книга жизни, которую спешешь прочесть, понять, однако она закрывается, не только не ответив на многие твои вопросы, но и озадачив новыми.

Наш разговор с Додиным переходит на самого Чехова, и я грешу стереотипом: Чехов был очень русским писателем. Нет, Додин не согласен. Чехов был, пожалуй, самым европейским писателем тех лет: может быть, он уступает лишь Пушкину, главному европейцу в русской литературе.

Поэтому Чехов с такой силой описывал ужасы русской жизни, так четко видел угрожающие ей опасности. И так чувствовал рабство, в котором он сам был воспитан, и «выдавливал его из себя по каплям». Эти слова им не придуманы. Его окружала пошлость, она была в нем самом, и он это знал, преодолевал ее и в то же время поддавался ей...

— Сейчас опять принялись гордиться некоей особенностью русской души, которая, делает-де русского человека непостижимым для других, —

смеется одними глазами Додин. — А Чехов хорошо видел, что широта эта часто происходит от узости.

Поэтому, считает режиссер, глубоко прав тот англичанин, который понял на «Платонове», почему в России случилась революция. Чехов предчувствовал конец эпохи, осознавал природу русской мощи, которая переходит в бессилие и заканчивается хроманием к гибели. Злая воля революции не победила бы, не будь к тому расположения в обществе. И сегодня, по Додину, не веселее.

— Я не понимаю, почему с таким энтузиазмом, с таким ощущением счастья мы готовимся к встрече нового века?! — восклицает он. — Мы подходим к нему с грозными результатами. Совершив круг, обнаруживаем, что ничего не изменилось. Только озверение достигло еще более высокой степени.

Не о Косове ли режиссер?

Да, и о Косове тоже. Его потрясло там все. И цепкость Милошевича к власти, и слепота сербского народа, который может столько терпеть и проливать свою кровь. Ведь жестокость Милошевича к другому народу — это его равнодушие к собственному.

— Я с детства не любил стихи насчет того, что добро должно быть с кулаками, — морщится режиссер. — И до сих пор в это не верю.

Но беспокоит Додина в конце века не одно Косово. И взрывы в Лондоне, и убийства в России, и Чечня, которая продолжает кровоточить. И

ГУЛаг, который по сей день толком не осмыслен.

— Почему недовольные Клинтоном китайцы или русские изображают его в образе Гитлера? — спрашивает меня Додин с таким напором, будто это я его так изображаю. — А почему не в виде Мао Цзэдуна или Сталина, погубивших не меньше народу? Пленка цивилизации оказалась очень тонкой и легко уничтожимой. Такое ощущение, что она с трудом удерживает бьющееся под нею человеческое безумие.

Мы проговорили с Додиным весь второй акт «Платонова». Но что представляет собой звезда российской, да и европейской режиссуры дома? Хобби у него есть? Нет. Собака? Нет. Ружье охотничье? Нет ружья охотничьего.

— Главное — я очень люблю жену. Я очень люблю маму. Ей исполнилось 89, и я молюсь за ее 90-летие. Она полна энергии. Она в курсе всего и понимает все лучше, чем, мне кажется, наши политики, вместе взятые. Она говорит: «Дали бы мне...»

— Место Ельцина, — подсказываю я.

— Нет, место ей не нужно. «Дали бы мне им сказать, — просит она. — Дали бы мне им объяснить...» И я уверен, она смогла бы объяснить. Другое дело, что ее все равно бы не поняли, потому как неспособный понять сделать это не сможет.

Владимир СИМОНОВ, собкор РИА «Новости» — специально для «МН»